

Эффект

МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостя
Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленица чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Любовь насмерть
Миллион для Колумбины
Неаполитанская кошка

АННА ДАНИЛОВА

ВОЛЧЬЯ ЯГОДА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Художественное оформление *К. Гусарева*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Волчья ягода : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-103831-1

Неведомые противники шаг за шагом медленно сводят с ума бывшую банкиршу Анну Рыженкову, обобрававшую сотни вкладчиков и вот уже три года проживающую в земном раю на острове Мэн. Вызванная в Москву на похороны сестры Милы, она проходит сквозь все круги ада, тщетно пытаясь разгадать, чья же ненависть породила столь изощренную месть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103831-1

© Данилова А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Молодой человек в сером твидовом костюме, сидевшем на нем нескладно, словно с чужого плеча, остановился перед дверью старого особняка, в котором располагался морг, чтобы перевести дух, и оглянулся, словно ища поддержки у мокнувших под дождем древних разросшихся лип. Промозглый октябрьский день, синий воздух, пузырящиеся лужи, в которых плавали мертвые желтые листья, горьковатый запах осени — все это как нельзя более подходило для встречи со смертью...

Он в последний раз вздохнул и вошел в пропитанный запахом карболки длинный узкий коридор, освещенный тусклым желтоватым светом ламп. Где-то здесь, совсем рядом, находилась ОНА. И если бы не крупная, похожая на малину родинка на бедре...

Он снова остановился, не в силах толкнуть перед собой уже следующую дверь, за которой его ждали. «Вы должны поехать для опознания...»

Кому он должен? Ей? Вероятно, но она сама выбрала этот путь, так что нечего тут искать виноватых. Каждый волен распоряжаться своей жизнью по собственному желанию. Она была взрослой девочкой и вполне здраво оценивала все, что происходило с нею в последнее время. Стало быть, надо как можно скорее покончить с формальностями, а именно — увидеть ее, чтобы сказать: да, это она.

Ведь она же не дворняга какая, у нее было имя, и она имеет право, как любой другой человек, на достойное погребение.

Он распахнул дверь и зажмурился от яркого света и совершенно убийственного, тошнотворного запаха...

К нему тотчас подошел человек в белом халате, поверх которого был повязан темно-зеленый, в бурых пятнах, клеенчатый фартук. У этого мясника-доходяги (плоского, будто камбала, и явно страдающего болезнью желудка) было красное, словно у алкоголика, лицо с выпуклыми голубыми глазами, бесстрастно глядящими сквозь стекла очков, тонкий с горбинкой нос, бледные губы-ниточки и смешно торчащий подбородок. Редкие и пушистые, как цыплячий пух, волосы его были растрепаны.

— Идите за мной, — произнес человек бесцветным голосом, делая знак следовать за ним.

В соседней комнате, огромной, с матовыми овальными окнами, голубеющими на фоне всего белого и яркого от слепящих ламп, на столе лежала женщина. Голова ее была покрыта влажной марлевой салфеткой. Когда человек в фартуке приподнял салфетку, посетитель едва не лишился чувств: у женщины не было лица, вернее, на том месте, где должно было находиться лицо, полностью отсутствовала кожа. Но он узнал покойницу, узнал ее по волосам, хотя они мало походили на то золотистое облако, которым восхищались ее мужчины... Теперь это была бесформенная, мокрая, спутанная волосяная масса с застрявшими в ней веточками, листочками, травинками... Узнал он и ее тело, некогда белое и нежное, а теперь напоминавшее увеличенную в размерах тряпичную куклу, покрытую плесенью и поврежденную в некоторых местах чем-то острым...

— Господи, ее что, пытали? Что это за ужасные рваные раны? А эти синяки? Скажите, это было сделано при жизни?

Он даже не слышал, что ему ответили. Он вдруг сжался, словно все эти раны и ссадины переместились на его тело и теперь больно саднили.

Он не отрываясь смотрел на потемневшую родин-

ку на ее бедре — словно переспевшая ягода малины прилипла и вросла в кожу.

— Странно, что они не вырезали ее, — с профессиональным цинизмом заметил человек в фартуке. — Может, тот, кто это сделал, просто не знал о ее существовании... Ведь по ней проще всего опознать... Непонятно, зачем было тогда так уродовать лицо... Вы можете назвать имя этой женщины?

— Могу, — молодой человек с трудом разлепил губы и замотал головой. — Ее звали Людмила...

* * *

«У меня была сестра. И вот теперь она умерла. Ее звали Мила. И я не знаю, кто виноват в том, что так случилось, ведь у нее в жизни было все для того, чтобы стать счастливой. А теперь из-за нее мне придется покинуть рай. Я не преувеличиваю. Тот, кто пожил на острове Мэн, знает, что такое настоящий рай. Мне было здесь спокойно все эти годы. Я знала, что каждое последующее утро принесет мне новые силы, новое ощущение полноты жизни, которое просто переполняет меня, словно теплый мед в прогретых сотах... Вы можете меня осудить, но я прошла нелегкий путь, прежде чем оказаться на этом чудном краю света. Под окнами моего трехэтажного дома полыхают яркие цветы, с океана дует свежий соленый ветер, и все вокруг дышит покоем и пресыщенностью. Да, я так, наверно, никогда и не привыкну к этому новому существованию. Моя прежняя жизнь снится мне, и я просыпаюсь по ночам со стучащими от нервного озноба зубами. С воплями «Я так больше не могу!» или «Я ненавижу вас!» бегу на кухню, где глотаю снотворное... Но эти приступы случаются все реже и реже. Скоро наступит полный штиль, и я забуду о своем прошлом.

Мила? Она раздражала меня уже тем, что вообще родилась. Ее, похоже, никто и не ждал. Она появилась на свет в результате случайной ссоры наших родите-

лей, которая плавно перешла в перемирие. Мой отец заперся в спальне с моей плачущей матерью вечером, часов в семь, а вышли они оттуда уже утром, и это после пяти лет холодной войны, во время которой они спали в разных комнатах и вели себя как форменные идиоты, вынужденные жить под одной крышей лишь для того, чтобы создать видимость нормальной семьи. Ради меня, единственной дочери, которая должна расти с матерью и отцом. И это при том, что их никто об этом не просил. Мне, во всяком случае, эти жертвы были ни к чему. Другое дело, что разменять квартиру и начать жить разными жизнями было почти невозможно в силу инертности моих родителей. В сущности, они были очень похожи друг на друга и, быть может, именно поэтому и не находили общего языка. Каждый из них старался возложить на другого ответственность за все, что происходит в семье, а в результате за все отвечала я. Я никогда не была похожа ни на свою мать, ни на отца. Я была сама по себе, и моя сестра пошла, если можно так выразиться, в меня. Быть может, я всегда недолюбливала Милу уже из-за того, что именно ее рождение и повлекло за собой те многочисленные болезни, от которых в конечном итоге умерла моя мать, а потом спился и повесился отец. Хотя умом-то я понимаю, что она здесь, конечно же, ни при чем. Просто так уж все случилось... И вот теперь умерла Мила. Мне сообщили об этом рано утром второго октября, а человек, позвонивший мне домой, представился не кем иным, как мужем Милы. А ведь я и понятия не имела, что она замужем. Я вообще не могу себе представить ее замужем, поскольку надо знать Милу, чтобы предположить такое. Он сказал, что похороны сестры назначены на 4 октября и что, если захочу, я смогу успеть. Но самое главное, что Милу собираются похоронить в Москве, хотя она никогда не жила в Москве, ведь мы с ней родились и выросли в С.! Неужели я недооценила свою сестру, и она, вопреки моему представлению

о ее образе жизни, вышла замуж и переехала в столицу?

Вам может показаться, что я слишком болезненно отношусь к «провинциальному» вопросу, но для меня он был решающим пять лет тому назад, когда я, закрыв глаза на свое прошлое и настоящее, в буквальном смысле этого слова, вытряхнув из теплой постели своей сестры ее жениха, Вика, повезла его в аэропорт, откуда мы вылетели в Москву... Почему именно Вика? Мне довольно трудно будет это объяснить, поскольку это можно только прочувствовать. А я всегда чувствовала, что мы с ним сделаны из одного материала и что только с его помощью я смогу вырваться из нашего зловонного провинциального городишки с тем, чтобы потом вскарабкаться на самый верх... Верх ЧЕГО, спросите вы? Слово «верх» всегда ассоциировалось у меня с независимостью. А стать свободной в полном смысле этого слова можно только с помощью денег. И я, и Вик — мы оба прекрасно понимали это. Вот только Мила этого не понимала. Деньги ее вообще никогда не интересовали. Она много работала, но практически никогда не требовала за это денег. Мила — была... Боже, какое безысходное слово — «была»... Мила была фотографом».

* * *

Стройная шатенка, закутанная почти до бровей в черную газовую траурную шаль, пересекла центральный зал лондонского аэропорта Хитроу и замерла возле рекламного стенда, как если бы ее окликнули. Медленно повернув голову, она встретилась глазами с догонявшим ее высоким молодым мужчиной, одетым в зеленую вельветовую куртку и песочного цвета брюки. Он смутился и растерянно улыбнулся.

— Гаэль, я не просила провожать меня... — сказала по-английски женщина, чувствуя, как щеки ее, вопреки усилиям воли, запылали: присутствие молодого мужчины здесь, в этом огромном аэропорту, с одной

стороны, сковывало ее, а с другой — возбуждало. — Мы же с тобой договорились...

Она подошла к нему и провела рукой, затянутой в черную замшевую перчатку, по его щеке. Ей вдруг подумалось, что она видит его в последний раз, и сердце ее больно кольнуло. Вот когда ей позвонил человек, представившийся мужем Милы, ее сердце никак не отреагировало на известие о смерти сестры, зато сейчас, когда она прикоснулась к Гаэлю, оно трепыхнулось...

Гаэль Мартен — чистокровный англичанин — был нанят Анной полтора года назад при очень странных обстоятельствах. Выпускник Миддл-Темпл-холла, готовящего адвокатов, Гаэль был почти насильно привезен на остров Мэн своей новой знакомой, русской женщиной по имени Анна Рыженкова, с которой он познакомился в Дерби на скачках. В тот июньский день многих англичан увезли оттуда с сердечными приступами, результатом бесчисленных пари, заключенных на этих всемирно известных скачках. Анна же выиграла тысячу фунтов и на радостях подарила их своему соседу, симпатичному молодому англичанину, явно проигравшемуся в пух и прах. Гаэль, так звали парня, находился в таком состоянии, что он сначала не понял, что вообще произошло и каким образом он оказался в машине незнакомой, но чрезвычайно привлекательной женщины, и пришел в себя только у нее дома, когда она на неизвестном языке пыталась что-то втолковать ему, размахивая перед его носом пачкой фунтов стерлингов. Девушка в белом переднике, явно горничная, перевела, что леди собирается подарить ему тысячу фунтов, если он погостит у нее три дня. Предложение было более чем странным, но Гаэль согласился. Возможно, причиной подобного решения была красота этой женщины, а быть может, и то, что у него оставалось еще десять дней до окончания отпуска, который ему предстояло провести в скучном обществе родственников, живущих в Шотландии. Анна была старше его на пять лет и всем своим поведением

напоминала скучающую леди, готовую на все ради новых ощущений и удовольствий, способных заставить забурлить застоявшуюся кровь. Но Гаэль здорово просчитался. Вместо секса, на который он настроился буквально в течение нескольких минут после того, как ему было сделано это необычное предложение, он получил первый урок русского языка. Анна поила его чаем на лужайке перед домом и заставляла повторять русские слова. И он повторял. Он не узнавал самого себя. В результате этих странных лингвистических упражнений он усвоил несколько приличных и неприличных русских выражений и только после этого, вечером третьего дня, был допущен в спальню к хозяйке, где смог наконец удовлетворить терзавшие его эти три дня желания. Русская женщина оказалась на редкость чувственной и веселой, хотя немного чудаковатой, словом, не без странностей.

Утром четвертого дня она дала ему обещанные тысячу фунтов и предложила работу в своей компании. Услышав название, он понял, что то, что он принял за случай, на самом деле явление вполне закономерное, и что Анна Рыженкова оказалась на скачках в Дерби из-за него, Гаэля Мартена. Он вспомнил, как еще полгода тому назад ему пришло письмо с острова Мэн от представителя компании «Motor Compani Agents Ltd.» с предложением занять место секретаря с юридическим образованием. Но письмо пришло так некстати — в то время Гаэль переживал свое первое фиаско на адвокатском поприще и находился не в лучшей психологической форме, — что о положительном ответе компании не могло быть и речи. Потом у него появились новые клиенты, новые дела, и про письмо он забыл. И вдруг теперь снова всплыло это название и предложение работы!

— Но почему именно я? — спросил он Анну, понимая, что ее настойчивое желание во что бы то ни стало заполучить его к себе на службу не может основываться на его деловых качествах и уж тем более на

его репутации как адвоката, поскольку он в этом плане ничего стоящего пока не представлял.

— Мне нужен верный человек, и я чувствую, что вы мне подходите... — ответила она на плохом английском и посмотрела на него тяжелым, но в то же время полным надежды взглядом.

— Но вы же меня не знаете! — вскричал уже совершенно сбитый с толку Гаэль, отказываясь что-либо понимать вообще.

— Ты был со мной в Москве, помнишь Вика? Ты останавливался у него, и мы в тот вечер много говорили... Вик сказал, что ты хороший парень, ничего, что англичанин... А еще он обещал тебе, вернее, твоему отцу найти настоящую русскую саблю... Ведь твой отец живет в Берлине?

И Гаэль вспомнил все: и Москву, и черноволосого, беспрестанно хохочущего Вика, и вкус русской водки, и даже вкус женских губ... Вот только лицо женщины, с которой провел тогда ночь, он вспомнить так и не смог.

— Так это была ты?

— Я. И я нашла тебя.

И Гаэль согласился работать на компанию, директором которой была Анна. Но только спустя три месяца он понял, почему Анна выбрала именно его. Ей необходим был человек, хорошо знающий английские законы, чтобы с его помощью и полностью полагаясь на него, идти намеченным ею путем. И когда Гаэль Мартен понял это, отступить было поздно. Он уже полностью принадлежал Анне.

* * *

— У меня такое чувство, что мы больше не увидимся... Ты останешься в Москве?

Она зажала ему рот ладонью и нахмурила брови:

— Что за чушь ты несешь, Гаэль?! Я еду на похороны моей сестры, ты же прекрасно знаешь...

— Но ты никогда не рассказывала мне о своей сестре... Мне кажется, что ты сбегаешь...

— Разве так сбегают? Посмотри на меня, я еду с одной дамской сумкой и зонтиком! Я вернусь, я не могу не вернуться, поскольку только здесь моя настоящая жизнь.

— А Вик? Он знает о том, что ты приезжаешь в Москву?

— Откуда мне знать, если мне неизвестно даже имя мужа Милы. Он не представился, я знаю лишь адрес их квартиры... Гаэль, прошу тебя, не паникуй...

— Почему ты едешь без меня? — Он чувствовал свое унижение, но ничего не мог с собой поделать: Анна ускользала от него, оставляя его ОДНОГО расхлебывать эту кашу... — Ты же знаешь, что мы висим на волоске, что достаточно одного дня, чтобы мы взлетели на воздух... Эти люди...

— Какие люди, о чем ты?

— Я не хотел тебе говорить...

Но он так и не успел ничего сказать — объявили посадку.

— Я тебе позвоню... — И она растворилась, исчезла, как сон.

Гаэль оглянулся — ему снова показалось, что за ним кто-то наблюдает.

* * *

«В самолете мне так и не удалось заснуть. Я думала о Миле, о том, что меня ждет в Москве, о предстоящих похоронах и вопросах, которые могут последовать в связи с моим приездом. Родственников, понятное дело, не будет. Будет только вдовец, муж Милы, с которым мы скорее всего обменяемся дежурными фразами по поводу внезапной кончины Милы... Он сказал, что она умерла, и все. Не мог объяснить, что с ней случилось. Может, автокатастрофа, а может, не разродилась, такое тоже бывает. Если они жили в Москве, то Мила наверняка работала фотокорреспонден-

том в какой-нибудь газете или журнале. Во всяком случае, Мила была не таким человеком, чтобы сидеть дома без дела. У нее был настоящий зуд по части фотографирования, она постоянно что-то снимала, проявляла, носилась с фотоаппаратом по городу и выискивала какие-нибудь необычные сюжеты. Денег, которые она выручала за свои снимки, продавая их в местные с-кие газетенки, едва хватало на пленку, причем черно-белую, поскольку на цветную денег не было никогда. Сестра наплевательски относилась к себе, ходила черт-те в чем, питалась как попало, зато спала подолгу, за счет этого и набиралась сил. И вообще она была странная, эта Мила. Но редкий мужчина проходил мимо нее, не обернувшись. Очевидно, было в ней что-то такое, на что я не обращала внимания, а потому никак не могла понять, чем же она их так привлекает. Возможно, это были длинные светлые волосы. Но она так безалаберно к ним относилась, собирая их на макушке какой-нибудь детской заколкой, что их почти не было видно. Зеленые глаза? Обычные глаза, немного раскосые. Нос маленький, слегка вздернутый, словно у куклы. А губы? Губы у нее в отца — большие, пухлые... Губы у нее были красивые.

Я пыталась представить себе Милу в гробу. Мертвый ангел. Да, она была похожа на ангела, каких рисовали в начале прошлого века, — тонкая, изящная, белокожая, светловолосая, со светлыми глазами и тонкими чертами лица. Но самым ангельским в ее облике, пожалуй, было кроткое выражение лица. Оно обезоруживало. Людям, а тем более женщинам, с таким выражением лица прощалось все.

Но только я ее простить не могла. И как вообще можно простить такое?

Мысли мои вновь и вновь возвращались к событиям почти пятилетней давности, когда в нашей жизни появился Виктор. Мы звали его просто Вик.

Все началось с того, что однажды Мила проявила пленку, напечатала двенадцать фотографий, с кото-

рых на нас смотрел улыбающийся молодой мужчина в джинсах и с золотой цепью на волосатой груди, и сказала, что это ее парень. Я сначала не поверила собственным ушам и, уж тем более, глазам. Чтобы эта серая мышка сумела заполучить себе в любовники такого роскошного мужчину — да у меня это просто не укладывалось в голове! Но уже утром следующего дня я увидела его входящим в нашу квартиру с чемоданом.

— Он будет жить здесь, — произнесла Мила самым естественным тоном, как если бы речь шла о том, куда ей лучше поставить только что купленный шкаф или табурет. А ведь ей в ту пору было всего пятнадцать, и она до этого времени была, по моим наблюдениям, девственницей. И чтобы я поняла, что она не шутит и что это вполне серьезно, она добавила: — Мы проживем немного в гражданском браке, а потом поженимся.

Сказала и скрылась со своим парнем в своей комнате. Помнится, я тогда долго стояла посреди кухни, не в силах вообще что-либо предпринять. Она поставила меня уже перед фактом, меня, свою старшую сестру, которая имела куда больше прав в этом доме хотя бы потому, что мне тогда было двадцать шесть лет, и это я должна была первой привести в дом мужчину. Я собиралась было уже ворваться в ее комнату и сказать ей все, что я думаю по этому поводу, но в это время в дверях появился Вик с бутылкой вина в руках. Лицо его сияло, глаза улыбались, он был счастлив и не мог не раздражать меня...

— Тебя зовут Анна? — спросил он, обращаясь ко мне сразу на «ты»; он подошел настолько близко ко мне, что я почувствовала исходивший от него специфический мужской запах, который взволновал меня. Я уж не знаю, что со мной произошло, но я ему тоже улыбнулась и даже протянула руку, чтобы поздороваться или познакомиться, как уж выйдет...

— Да, а тебя Виктор?

— Друзья зовут меня просто Вик. Ты не думай, я